

Пережившие блокаду

В краеведческом отделе Дворца книги хранятся три книги из личной коллекции известного ульяновского краеведа Александра Николаевича Блохинцева, на корешке которых рукой владельца сделана надпись: «Эта книга пережила Ленинградскую блокаду». Остаётся только догадываться, каких усилий стоило Александру Николаевичу в тяжелейших условиях блокадного голода и холода сохранить эти книги.

Александр Николаевич Блохинцев родился 20 (7) марта 1912 года в с. Иваново Алатырского уезда Симбирской губернии. Затем семья переехала в Алатырь. С ранних лет Александр увлекался живописью, сам смастерил себе мольберт, учился по книгам, рассматривал иллюстрации известных художников, делал литографии. После окончания школы Александр Блохинцев мечтал стать художником, даже ездил поступать в Пензенский художественный техникум, но не поступил. По настоянию семьи он поехал в Соликамск к старшей сестре Ольге, затем поступил в химико-технологический техникум. Перспектива работы на химических предприятиях не привлекала Александра, поэтому, сославшись на состояние здоровья, он с бригадой художников уехал в Магнитогорск. Затем несколько лет провёл в Москве, работая художником в клубе. В Москве Александр Николаевич впервые посетил Третьяковскую галерею, где увидел знаменитые холсты, репродукции с которых знал с детских лет. В Музее новой западной живописи его потрясли холсты Огюста Ренуара и Клода Монэ. Любовь к творчеству импрессионистов Александр Николаевич пронёс через всю жизнь, недаром одной из книг, переживших блокаду, оказалось сочинение А. Воллара «Ренуар».

В 1933 году Александр Блохинцев возвратился в Ульяновск, где в то время жили мать и сёстры. Здесь он начал работать художником в клубе имени Володарского, женился. Незадолго до рождения дочери Ирины его призвали на срочную службу. В своих мемуарах «Жизнь и работа» Александр Николаевич вспоминал: «Так я стал полковым художником. Не сразу я привык к серой грубоватой шинели и не сразу свыкся с новой для меня жизнью. Всё было очень казённо, сурово и непривычно»¹.

Вместе с воинской частью он попал в Ленинград, где в 1937 году в качестве вольнонаёмного был принят художником в 75-ю артиллерийскую базу в Ленинграде. Там он поступил в Ленинградский университет выходного дня, где слушал лекции лучших профессоров города. За год до войны в семье Блохинцевых родилась ещё одна дочь – Ольга.

Воскресный день 22 июня 1941 года семья собиралась проехать за городом – в Петергофе. После завтрака Александр Николаевич с дочерьми отправился в парк насладиться наступившим летом. Дома, едва открыв входную дверь на общую коммунальную кухню, он услышал плач женщин – соседок по квартире. На вопрос, что случилось, кто-то из женщин ответил: «Началась война с Германией».

Из воспоминаний Александра Блохинцева: «Долго мы ждали этой войны, долго к ней готовились, и вот так вдруг она на нас обрушилась. Было жутко, зловеще жутко...»

Через час состоялся митинг, начались оборонительные мероприятия: варка клейстера, оклейка окон полосками бумаги. Ночью раздались оглушительные залпы зенитных батарей. Стёкла окон дребезжали. Все были напуганы, дети плакали. Лучи прожекторов металась во тьме небосвода. Что-то падало на крыши, срывало листву и ударялось о землю. Потом стало известно, что это падали осколки зенитных снарядов. Так прошёл первый разведочный налёт немецкой авиации на Ленинград.

Утром люди приносили на работу осколки зенитных снарядов, показывали друг другу. Большой город готовился к нападению врага. Заводские корпуса окрашивались в цвет жилых домов, золотые купола и шпили укрывались маскировочными сетями, окна заклеивались, витрины магазинов заколачивались, обкладывались мешками с песком. Когда раздавался сигнал воздушной тревоги, люди спешили в бомбоубежища. Автомобили, трамваи и троллейбусы останавливались. Город замирал. И только пощёлкивание метрономов радиорепродукторов нарушало общую тишину. Гул залпов зенит-

ных батарей быстро нарастал, постепенно доходя от пригородов до центра города. С каждым залпом люди сжимались, пряча головы в плечи. После часов томительного ожидания наконец-то раздавался сигнал отбоя воздушной тревоги. И так изо дня в день. Количество воздушных тревог всё возрастало...

Семья Блохинцева стала готовиться к эвакуации. Было куплено печенье, кондитерские сухари, белый с изюмом хлеб, булочки, сыр, колбаса и прочее. Всего этого пока было много в магазинах. 19 августа Александр Николаевич погрузил семью в переполненный людьми и багажом товарный вагон с наспех сколоченными нарами в два этажа. На прощание успел сунуть дочери в руку маленькую записочку для жены: «Антоша! Поцелуй за меня маму, крепко целую тебя и девочек. Счастливого пути!» В окне вагона на миг появились лица дочери Ирины и жены Тони, потом их место в окне заняли другие девушки и женщины. Раздался гудок паровоза, и поезд тронулся.

Позже Александр Николаевич узнал, что эта возможность спасти семью была едва ли не последней. Вскоре город был взят в

кольцо. Писем от семьи не было, и это сильно беспокоило Блохинцева. Нередко доводилось слышать рассказы о том, как в пути погибали целые эшелоны...

Пытаясь хоть чем-то помочь окружающим людям, он начал рисовать карикатуры на противника. Они вывешивались на проходной артиллерийской базы и поднимали настроение людям.

Вскоре у Александра Николаевича появилась новая обязанность – он стал бойцом противовоздушной обороны части. В его задачи входило в случае воздушной тревоги сбрасывать с крыши на землю зажигательные бомбы. Сидеть на крышах приходилось до двух – трёх часов ночи, иногда до четырех.

В один из ясных сентябрьских дней были подожжены Бадаевские склады, где хранились огромные запасы продовольствия для города. Склады горели около недели. Спасти удалось небольшую часть. С 15 сентября норма хлеба была сильно сокращена. В Ленинграде начался чудовищный голод.

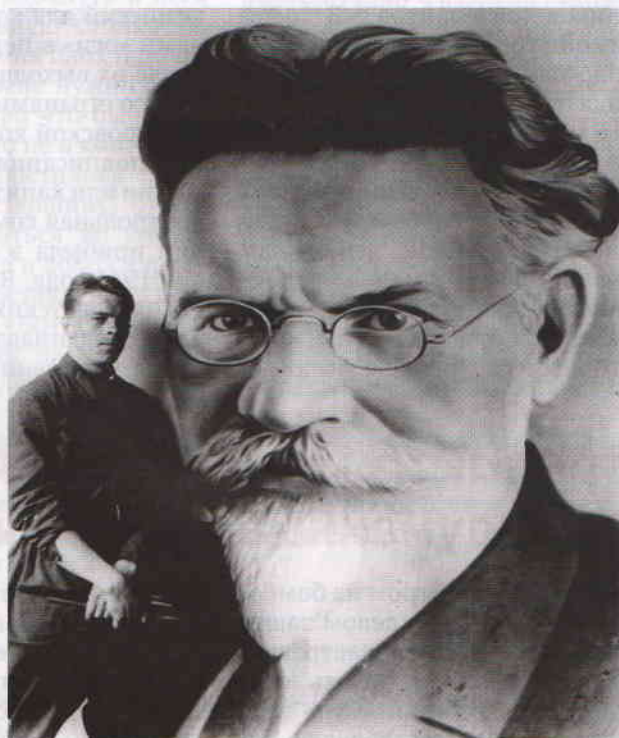
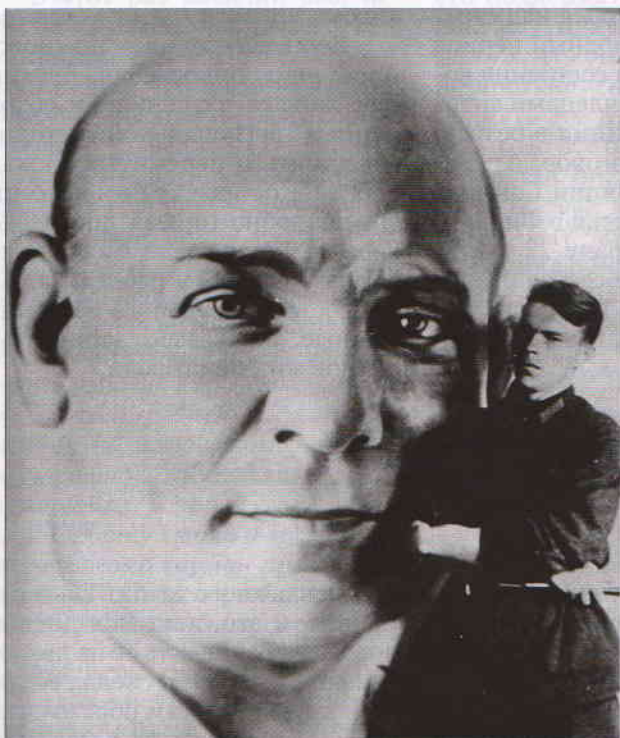
В своих мемуарах «Жизнь и работа» Александр Николаевич вспоминал, как однажды в поисках табака залез в сундук с до-

машним скарбом. Там нашлись банка печенья, две пачки детской муки «Геркулес» и гречневая крупа. Забыв о курении, он набросился на печенье. Большая кастрюля гречневой каши, сваренная без соли, была съедена за один раз. Уговаривал себя остановиться, но это было невозможно.

На улицах всё чаще появлялись сильно истощённые люди. Ленинградцы стали страдать от новой болезни – дистрофии, от которой умирали при полном и ясном сознании. Тысячи трупов лежали на улицах вплоть до марта 42-го года. В марте всех покойников, лежавших на улицах и в домах, вывезли на Пискаревское кладбище.

Александр Николаевич вспоминал, как однажды вышел по делам в город. На улицах было пусто, лежали припорошенные снегом трупы, встречались заметённые снегом трамваи и троллейбусы с разбитыми стёклами. Город казался мёртвым, но даже посреди этого мрака Блохинцев сумел увидеть прекрасное – Исаакиевский собор, покрытый инеем, как будто он был сделан из сахара.

Как вольнонаёмный Александр получал ежедневно скудный паёк: 125 граммов чёрного

Художник клуба 208-го стрелкового полка 70-й стрелковой дивизии А.Н. Блохинцев. 1937

и влажного хлеба, а также «суп» в столовой. «Суп» представлял собой тарелку горячей воды, полторы – две макаронины и две-три звездочки какого-то жира. Конечно, это был не жир, а лишь его следы. Хлеб съедался сразу.

Зимой от постоянного голода у Александра начала кружиться голова. С трудом держась за перила, он поднимался по лестнице. Командование части, видя его состояние, решило призвать его в армию. Призыв менял положение дел. Александр Блохинцев был зачислен командиром отделения рабочей роты артбазы с фактическим исполнением прежних обязанностей по клубу и библиотеке части. Теперь он стал получать 300 граммов хлеба и кое-какой приварок в военной столовой. В феврале 42-го благодаря Дороге жизни норма хлеба была увеличена до 500 граммов, приварок стал более реальным. Это вселяло надежду на жизнь. Оставалось только не попасть под обстрел.

Накануне 23 февраля устроили первую баню. Каждому солдату достались долька мыла величиной с кусок сахара и один таз тёплой воды – именно тёплой, а не горячей.

Осенью 1942 года Александр был зачислен на курсы младших техников-лейтенантов. В офицерской столовой кормили хорошо, но насытиться после долгого голода было непросто.

В самом конце февраля – начале марта 1944 года установилась тихая солнечная погода с умеренными морозами. Александр Николаевич вспоминал, как с востока на запад шли тройками советские самолёты, тройка за тройкой, и так от горизонта до горизонта. Зрелище было ве-

личественным и волнующим. Все пожимали друг другу руки, обнимали товарищей. Блокада была окончательно снята.

В марте 44-го Блохинцева перевели на должность преподавателя курсов младших техников-лейтенантов. Постепенно жизнь после блокады входила в нормальное русло. Блохинцевым предоставили новую комнату, которую Александр Николаевич отремонтировал, побелив потолок и покрасив стены и пол.

В Ленинград из эвакуации стали возвращаться люди. Тоня вернулась очень худой, совсем непохожей на полную и цветущую женщину, какой она уезжала в эвакуацию. Ирина была худая, тонкая и прозрачная, заметно подростшая. Младшая дочь Ольга заметно выросла. Одеты все были предельно скромно.

В конце сентября курсы были ликвидированы, Александр был назначен начальником путового хранилища. Это позволяло остаться с семьёй, но работа его не устраивала. Жена поступила машинисткой в штаб артбазы. Ирина начала учёбу в школе, а Ольга пошла в детский сад. Жить было нелегко, но можно.

С 1943 года началось формирование союзных контрольных комиссий для контроля над странами «оси» в переходный период после их выхода из состояния войны со странами – членами антигитлеровской коалиции в результате подписания договора о перемирии или капитуляции. Союзная контрольная комиссия в Финляндии прибыла в страну 22 сентября 1944 года. В её состав входили 200 советских и 15 британских членов, возглавлял комиссию генерал-полковник А.А. Жданов.

В состав советской делегации вошёл Александр Николаевич Блохинцев. Там же, в Финляндии, он встретил Победу: *«Вдруг примерно в два часа ночи я сквозь сон услышал шум. В соседних номерах гостиницы были слышны возбуждённые голоса, крики «ура», топот ног и т. п. Не поняв в чём дело, я опять заснул. А проснувшись утром, я узнал, что действительно – война окончена и сегодня – 9 мая – день Победы».*

Только в середине декабря закончилось пребывание Александра Блохинцева в Финляндии, и он наконец-то вернулся на родину.

Впереди ещё будут долгие годы армейской службы в разных уголках Советского Союза. В мае 1958 года майор Александр Блохинцев был уволен в запас. За свою службу он был удостоен ордена Отечественной войны II степени, дважды – ордена Красной Звезды, награждён медалями «За боевые заслуги», «За оборону Ленинграда», «За победу над Германией»² и другими наградами.

Помимо книги о любимом художнике Ренуаре, блокаду пережили два тома пьес У. Шекспира, выпущенные в 1941 году. Теперь эти реликвии хранятся во Дворце книги и доступны каждому, желающему прикоснуться к истории.

Вернувшись в Ульяновск, Александр Николаевич Блохинцев занялся изучением и сохранением региональной истории. Но память о пережитых блокадных днях осталась с ним навсегда. Он подробно описал дни в блокадном Ленинграде в своих мемуарах «Жизнь и работа», а также составил рукопись «Невыдуманные рассказы», записанную со слов жителей города.

Отрывок из машинописи А.Н. Блохинцева «Невыдуманные рассказы»³

Поднявшись утром из бомбоубежища, я первым делом зашел в столовую, чтобы позавтракать тарелкой «супа» и начать очередной день работы. «Суп» этот представлял собой тарелку горячей воды, полторы – две ма-

каронины и две – три звездочки какого-то жира. Конечно, это был не жир, а лишь его следы. За этот «суп» из моей продуктовой карточки вырезался соответствующий талон крупяных изделий и другой талон на 125 граммов чёр-

ного и влажного хлеба. Я был служащим, и это была моя дневная норма хлеба. Делить её на два или три раза я не мог и съедал её сразу, в завтрак. Таким образом следующую пайку хлеба я мог получить только завтра. Затем, войдя

в свою рабочую комнату, я растопил печку-голландку.

Вскоре открылась дверь и на пороге появился мой старый товарищ Василий Сутинов. В своё время мы оба в один год были призваны в армию и вместе служили в одном полку. По окончании срока службы я уволился из рядов армии, а он остался на сверхсрочную службу. После он окончил Военно-политическое училище, служил в разных частях, а в сентябре 1941 года был назначен комиссаром караульной роты нашего объекта на одной из окраин Ленинграда. Встретились мы тогда как старые приятели. Он – комиссар, в звании политрука. Три квадрата в петлице и звездочка на рукаве гимнастёрки. Я – «цивильный», работаю в воинской части по вольному найму. Однако разность положения не влияла на сердечность наших отношений, и он запросто приходил ко мне, принося мне иногда то кусок хлеба, то пару домашних кренделей, присланных в посылках с «большой земли», или же пачку махорки из тех же посылок. Это поддерживало меня в тяжёлую пору, и я был очень благодарен другу за его заботу обо мне.

В этот раз Василий был необычно мрачен. Он ничего мне не принёс, дал только закурить. Было видно, что он не в настроении. Мои попытки разговаривать его плохо удавались, но наконец-то удалось и, затянувшись сигаркой, он заговорил: *«Сижу я вчера вечером после ужина у себя в кабинете. Вдруг – стук в дверь. Я говорю: войдите. В дверях показался боец Харитонов. Я пригласил его к столу. Он подошёл и сел. Это кадровый рабочий Кировского завода, ему 52 года, среднего роста, коренастый, но истощённый, исхудал он страшно и последние дни всё время лежал. В наряд его не посылали. Сел он у стола и молча растегнул левый карман гимнастёрки, вынул из него партбилет и положил его мне на стол. Я еле сдер-*

жался, чтобы не заговорить, но молчу, смотрю, что будет дальше. Тем временем он растегнул другой карман гимнастёрки, вынул из него бумажку и 17 рублей денег. Он молчит, и я молчу. Положив деньги и бумажку рядом с партбилетом, он заговорил: «Ну вот, комиссар, я отвоевался. Всё! Сил моих больше нет, конец приходит». – «Ну что ты, да мы ещё с тобой до победы доживём, ещё повоюем!» – говорю я ему, а сам вижу, что боец действительно дошёл, но стараюсь его ободрить, отвлечь его от мрачных мыслей, и то и сё ему выкладываю, и шутку ввернул, и серьёзное выложил, а он, перебив меня, говорит: «Вот что, комиссар, ты, можешь, и доживёшь до победы, а я уж нет. Вот мой партбилет, совесть моя перед партией и народом чиста. Передай билет куда следует. А это – адрес жены моей и деньги. Перешли их ей, они ей сгодятся, а я помирать буду... Как она там, сердешная, мается?»

Ожёл он меня этими словами. И так я внутренне взбунтовался, что готов был кричать и топтать. А чего кричать? Чего топтать?! Когда тут такое... Опять я начал его расшевеливать. Уж чего я только не говорил! Аж на изнанку выворачивался. Так мне хотелось его поддержать, вдохнуть в него надежду и духовную стойкость. Вижу я, что он очень плох и долго не протянет, но мне нужно было поднять его дух во что бы то ни стало. Но всё было не в кон.

Встал он. Простились мы с ним. Вызвал я старшину, чтобы помог ему добраться до койки. Старшина пришёл и доложил, что красноармеец доставлен на место. Говорю ему: «Вот, старшина, тебе задание: иди на кухню, на продсклад, куда угодно, но найди чего-нибудь поесть. Хоть немного чего-нибудь! Нельзя дать старику умереть. Пусть он умрёт через неделю, но не завтра».

Ушёл мой старшина. Прошло полчаса, прошёл час, а его всё нет. Часа через полтора старшина вернулся и доложил: нигде ни-

чего нет. Кухня ещё не получила продукты на утро, продсклад закрыт. Завскладом уехал на гарнизонный склад ещё засветло и до сих пор его нет, ждут, когда приедет. «Так что же у нас есть? Чем спасти человека?» – «Только тёплая вода и порошки для поддержания сердечной деятельности», – ответил старшина.

Дал я ему задание вызвать врача и установить наблюдение за Харитоновым. Как только ему будет совсем плохо, чтобы меня разбудили. Ночью пятого меня разбудили. Подошёл я к нему, а он уже мёртвый. Вот и всё! А мне так хотелось, чтобы его слова не сбылись, чтобы он не умер этой ночью, но не вышло по-моему... Я проиграл. Я проспорил. И так тяжело...

Мы оба долго молчали, а потом, закулив ещё, Василий продолжил: *«А позавчера разводящий пошёл со сменой караульных менять их на постах. Подходят к одному посту – окрик: «Стой, кто идёт?» – как положено. Меняют часового. Подходят к другому посту – повторяется то же. Подходят к третьему, а окрика нет, часовой никак не реагирует на подход смены. Не поймут: что такое? Почему так? Неужели уснул стоя? Подходят ближе. Разводящий даёт команду, а часовой стоит под грибком и ни с места, и ни одного движения. Команду повторяют, а часовой не реагирует. Стоит в тулупе, одной рукой обнял столбик грибка, другой – винтовку. Руки засунуты рукав в рукав. Подходят к нему, а он... мёртвый. Кое-где разняли его руки оттащил из-под грибка, сняли с него тулуп и положили умершего на снег. Новый часовой надел тулуп, встал на пост. Потом вызвали подводу и увезли покойника. Так вот он и умер на посту».*

Василий вздохнул и ещё ниже опустил голову. И было от чего. Всё это происходило в конце декабря 1941 года.

Материал подготовила
Алина Осокина

¹ ГАУО. Ф. Р-4062. Оп. 3. Д. 16.

² Блохинцев А.Н. // Солдаты Победы: именной список участников Великой Отечественной войны 1941–1945 гг., вернувшихся с Победой. Т. 1. – Ульяновск: Симбирская книга, 2005. – С. 69.

³ ГАУО. Ф. Р-4062. Оп. 5. Д. 16.